

Е. С. Тикун

**РИТОРИЧЕСКИЙ ВОПРОС
КАК ЭКСПЛИКАТОР МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ
В ТЕКСТЕ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»**

Рассматриваются особенности функционирования риторического вопроса как экспликатора модальной семантики в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»; устанавливается набор объективно- и субъективно-модальных значений риторического вопроса; выявляется его текстообразующая функция.

*The author considers the features of rhetorical question as an explicator of modal semantics in the novel *The Brothers Karamazov* by Fyodor Dostoevsky. The article identifies the scope of objective modality and subjective modality meanings of rhetorical question and addresses its text-forming function.*

Ключевые слова: художественный текст, текстовая модальность, риторический вопрос, текстообразующая функция, функционально-семантическое поле.

Key words: fiction text, textual modality, rhetorical question, text-forming function, functional-semantic field.

Антропоцентрический подход современной лингвистики предполагает изучение языка «с обязательным учетом человеческого (субъективного) фактора, или фактора языковой личности» [8, с. 3]. В связи с

этим отмечается устойчивый интерес к языковым категориям, определяющим тесную связь высказывания с «говорящим» субъектом, его отношение к действительности, его речевые установки. Одна из них — сложная и многоаспектная категория модальности, являющаяся, по образному выражению Ш. Балли, «душой предложения» [1, с. 44].

«Языкознание прошло до настоящего времени долгий путь в исследовании модальности, впитывая достижения логики, семиотики и психологии» [4, с. 18], модальной проблематике посвящена обширная литература, рассмотрено множество частных вопросов. Однако, будучи подробно изученной на уровне высказывания, модальность не получила соответствующего описания на уровне текста.

Первым модальность как текстовую категорию обозначил И.Р. Гальперин, определивший ее как «субъективно-оценочную характеристику предмета мысли», реализующуюся в характеристике героев, в распределении предикативных и релятивных отрезков высказывания, в сентенциях, в умозаклчениях, в актуализации отдельных частей текста и в ряде других средств [5, с. 115]. Исследователи отмечают статус модальности как «интегративной текстообразующей категории» [11, с. 20], поскольку она «скрепляет все единицы текста в единое смысловое и структурное целое» [2, с. 96]

На уровне текста модальность обладает своеобразным набором средств выражения по сравнению с другими текстовыми категориями, оформляясь «экспликаторами языковой (объективной/субъективной) и речевой модальности (коммуникативные стратегии и тактики)» [11, с. 20]. Они обеспечивают такие главные признаки текста, как связность, целостность, индивидуальное своеобразие и т. д.

Одним из важнейших синтаксических средств текстообразования является риторический вопрос, имеющий «дифференциальные признаки вопросительных предложений (внешняя вопросительная форма) и повествовательных предложений (значение сообщения)» [9, с. 108 — 109]. В нем содержится утверждение или отрицание, он не требует ответа, так как последний заключен в самом вопросе. Основной его функцией является информативная — передача сообщения, и «говорящий передает его, завуалировав в вопросительную форму» [10, с. 172]. Необходимо отметить, что риторические конструкции характеризуются как особый стилистический прием, который служит для придания высказыванию экспрессивности или, как отмечает Е. В. Рагозина, «аффектации» [9, с. 111]. Поэтому основную часть их семантики составляет субъективная модальность.

Специфической особенностью микрополя модальности возможности в тексте романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» является доминирование риторических вопросов с отрицательным значением 'не быть в состоянии выполнить действие' в силу эмоционально-психического состояния субъекта, а также 'не иметь способность выполнить действие'. Ср.: «*Разве* она [Катерина Ивановна] *может*, сравнив нас обоих, *любить* такого, как я, да еще после всего того, что здесь произошло?» [6, с. 136]; «А вы думаете, что я эту женщину не перенесу? Он думает,

что я не перенесу? Но он на ней не женится, — нервно рассмеялась она [Катерина Ивановна] вдруг, — *разве* Карамазов *может гореть* такую страстью вечно? Это страсть, а не любовь» [6, с. 172]; «Я тебе всю нашу тайну открою! — зашептал спеша Митя. — Хотел потом открыть, потому что без тебя *разве* могу на что *решиться*? Ты у меня все. Я хоть и говорю, что Иван над нами высший, но ты у меня херувим» [6, с. 679]; «Не беспокойтесь, согласится бежать. Да он [Митя] уж и согласен: *разве* может он свою тварь *оставить*?» [6, с. 869]. Вопросительная частица *разве* активно используется писателем для усиления отрицания и оттенка уверенности.

Со сходным значением — акцентированной уверенности — в риторических конструкциях употребляется частица *ли*: «*Может ли* русский мужик против образованного человека *чувство иметь*?» [6, с. 258]; «*И можешь ли* ты *допустить* идею, что люди, для которых ты строишь, согласились бы сами принять свое счастье на неоправданной крови маленького замученного, а приняв, остаться навеки счастливыми?» [6, с. 283]; «Страшный и умный дух, дух самоуничтожения и небытия, — продолжает старик, — великий дух говорил с Тобой в пустыне, и нам передано в книгах, что он будто бы «искушал» Тебя. Так ли это? *И можно ли* было *сказать* хоть что-нибудь истиннее того, что он возвестил Тебе в трех вопросах?» [6, с. 291]; «Убедятся тоже, что не могут быть никогда свободными, потому что малосильны, порочны, ничтожны и бунтовщики. Ты обещал им хлеб небесный, но, повторяю опять, *может ли* он *сравниться* в глазах слабого, вечно порочного и неблагодарного племени с земным?» [6, с. 293].

Довольно многочисленную группу риторических вопросов-отрицаний составляют конструкции, в которых «вопросительные компоненты (местоимения, наречия) трансформируются в отрицательные слова» [9, с. 121]. При этом образуются соотносительные пары (*кто — никто не, где — нигде не, когда — никогда не* и т.п.).

Анализ показал, что самыми продуктивными в романе являются оппозиции *кто — никто не*, а также *как — никак не*. Ср.: «О, как вы говорите, какие смелые и высшие слова, — вскричала мамаша. — Вы скажете и как будто пронзите. А между тем счастье, счастье — где оно? *Кто может* сказать про себя, что он счастлив?» [6, с. 64]; «*Как же бы я мог* тогда *прямо сказать-с*? Один лишь страх во мне говорил-с, да и вы могли сердиться» [6, с. 693]; «Прости меня. Нет, лучше не прощай: легче и мне и тебе! Лучше в каторгу, чем твоя любовь, ибо другую люблю, а ее слишком сегодня узнала, *как же ты можешь простить*?» [6, с. 706]; «Я не могу отвечать за все мои знакомства... Я молодой человек... и *кто же может отвечать* за всех тех, кого встречает» [6, с. 764].

Как видно из приведенных примеров, модальность возможности в вопросительных риторических конструкциях эксплицируется главным образом с помощью модального глагола *мочь* и модального предикатива *можно* в сочетании с зависимым инфинитивом. Риторический вопрос выражает все частные значения возможности, среди которых наиболее частотным оказывается 'не быть в состоянии выполнить действие'.

Функционально-семантическое микрополе необходимости характеризуется меньшим по сравнению с микрополем возможности числом

репрезентаций. Из числа лексических модификаторов распространены модальные предикативы *нужно* и *надо*, а также краткое прилагательное *должен*. Ср.: «Теперь, с другой стороны, возьмите взгляд самой церкви на преступление: *разве не должен он измениться* против теперешнего, почти языческого, и из механического отсечения зараженного члена, как делается ныне для охранения общества, преобразиться, и уже вполне и не ложно, в идею о возрождении вновь человека, о воскресении его и спасении его...» [6, с. 74]; «Слушай: если все должны страдать, чтобы страданием купить вечную гармонию, то при чем тут дети, скажи мне, пожалуйста? Совсем непонятно, для чего *должны были страдать* и они, и *зачем* им *покупать* страданиями гармонию?» [6, с. 282]; «Да *нужно ли?* — воскликнул, — *да надо ли?* Ведь никто осужден не был, никого в каторгу из-за меня не сослали, слуга от болезни помер. А за кровь пролиянную я мучениями был наказан. Да и не поверят мне все, никаким доказательствам моим не поверят. *Надо ли объявлять, надо ли?*» [6, с. 357].

Отдельно нужно остановиться на модальном модификаторе *должен*. С. С. Ваулина отмечает его употребление в конструкциях, «где субъект действия выражен местоимением 1-го лица, благодаря чему акцентируется активность позиции субъекта в понимании им своего долга, обязанности выполнить действие» [3, с. 31]. В романе «Братья Карамазовы» применительно к группе риторических вопросов *должен* встречается только в 3-м лице. Это объясняется тем, что герои-идеологи Достоевского стремятся построить справедливый мир для всех людей, основываясь на своих представлениях о должном и необходимом.

Имплицитные способы выражения модальности необходимости представлены конструкциями с независимым инфинитивом. Ср.: «Ну что ж, пожалуй, у тебя же есть свои две тысконочки, вот тебе и приданое, а я тебя, мой ангел, никогда не оставлю, да и теперь внесу за тебя что там следует, если спросят. Ну, а если не спросят, к чему нам *навязываться*, не так ли?» [6, с. 27] — к чему нам *надо навязываться* = *ни к чему/не надо*; «К чему же тут *вмешивать* решение по достоинству? Этот вопрос всего чаще решается в сердцах людей совсем не на основании достоинств, а по другим причинам, гораздо более натуральным» [6, с. 166] — к чему *нужно вмешивать* = *ни к чему/не нужно*; «К чему же *лгать* пред собою, когда все люди так живут, а пожалуй, так и не могут иначе жить» [6, с. 166] — к чему *нужно лгать* = *ни к чему/не нужно*; «Это я говорю на тот страх, что мы дурными сделаемся, — продолжал Алеша, — но зачем нам и *делаться дурными*, не правда ли, господа?» [6, с. 887] — зачем нам *нужно делаться дурными* = *незачем/не нужно*.

Наименьшей частотностью реализаций характеризуется модальное значение желательности, представленное в риторических конструкциях единичными примерами. Ср.: «Получил от Смердякова, от убийцы, вчера. Был у него пред тем, как он повесился. Убил отца он, а не брат. Он убил, а я его научил убить... Кто *не желает* смерти отца?...» [6, с. 785].

Риторические вопросы эксплицируют также семантику уверенности (подтверждения). Ср.: «У нас в городишке таких переулков вещест-

венных не было, но нравственные были. Но если бы ты был то, что я, ты понял бы, что эти значат. Любил разврат, любил и срам разврата. Любил жестокость: *разве* я не клоп, не злое насекомое?» [6, с. 127]; «Но разбирали они по частям, а целое просмотрели, и даже удивления достойно, до какой слепоты. Тогда как целое стоит пред их глазами незыблемо, как и прежде, и врата адовы не одолеют его. *Разве* не жило оно девятнадцать веков, разве не живет и теперь в движениях единичных душ и в движениях народных масс?» [6, с. 196]; «Хоть бы и так! Наконец-то ты догадался. И действительно так, действительно только в этом и весь секрет, но *разве* это не страдание, хотя бы для такого, как он, человека, который всю свою жизнь убил на подвиг в пустыне и не излечился от любви к человечеству?» [6, с. 302]. Для усиления утвердительного значения используется вопросительная частица *разве*, актуализирующая соответствующую вербальную реакцию. Таким образом, риторические конструкции создают в художественном тексте ситуацию реального диалогического дискурса.

Характерной особенностью риторических вопросов является привнесение в экспрессивно окрашенные высказывания оттенка тщетности и несправедливости. Наиболее ярко это выражено в главе «Такая минутка», где происходит своеобразный «бунт» Алеши, вызванный смертью его духовного отца — старца Зосимы. «Временное помрачение ума и сердца» [7, с. 607] эксплицируется писателем через ряд риторических конструкций, содержащих безрезультатные попытки героя объяснить случившееся «бесславию»: «И вот тот, который должен бы был, по упованиям его, быть вознесен превыше всех в целом мире, — тот самый вместо славы, ему подобавшей, вдруг низвержен и опозорен! За что? Кто судил? Кто мог так рассудить? — вот вопросы, которые тотчас же измучили неопытное и девственное сердце его. <...> Ну и пусть бы не было чудес вовсе, пусть бы ничего не объявилось чудного и не оправдалось немедленно ожидаемое, но зачем же объявилось бесславию, зачем попустился позор, зачем это поспешное тление, «предупредившее естество», как говорили злобные монахи? Зачем это «указание», которое они с таким торжеством выводят теперь вместе с отцом Ферапонтом, и зачем они верят, что получили даже право так выводить? Где же Провидение и перст Его? К чему сокрыло Оно Свой перст “в самую нужную минуту” (думал Алеша) и как бы Само захотело подчинить Себя слепым, немым, безжалостным законным естественным?» [6, с. 390].

Итак, риторический вопрос выступает как один из важнейших синтаксических экспликаторов модальной семантики, выражая богатый набор объективно- и субъективно-модальных значений. Характерной особенностью является доминирование риторических конструкций с отрицательным значением возможности, необходимости и желательности. В микрополе возможности наиболее продуктивным оказывается значение «не быть в состоянии выполнить действие» в силу эмоционального состояния; в микрополе необходимости — «быть должным выполнить действие» по причинам морально-этического порядка. Субъективно-модальная оценка эксплицируется в риторических во-

просах с утвердительной семантикой, создавая в тексте ситуацию живого диалога. Наконец, риторический вопрос привносит в речь персонажей дополнительные оттенки значений, в частности тщетности и несправедливости.

Список литературы

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
2. Валгина Н. С. Теория текста. М., 2004.
3. Ваулина С. С. Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI – XVII вв.): автореф. дис. ...д-ра филол. наук. Л., 1991.
4. Волкова Н. А. Текстовая модальность в аспекте учения о первичности-вторичности текста: на материале цикла рассказов В. М. Шукшина «Из детских лет Ивана Попова»: дис. ...канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 2007.
5. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
6. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. М., 2003.
7. Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. Л., 1991. Т. 9.
8. Опарина А. В. Специфика проявления авторской модальности в списках «Повести временных лет» (лексико-грамматический аспект): автореф. дис. ...канд. филол. наук. Тамбов, 2004.
9. Рагозина Е. В. Модальность вопросительных предложений в современном русском языке: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Калининград, 2008.
10. Рестап П. Синтаксис вопросительного предложения: Общий вопрос (главным образом на материале современного русского языка). Осло, 1969.
11. Романова Т. В. Модальность. Оценка. Эмоциональность. Н. Новгород, 2008.

Об авторе

Екатерина Сергеевна Тикун – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, e-mail: tikunka@gmail.com

About author

Yekaterina S. Tikun, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, e-mail: tikunka@gmail.com